

УДК 811.112.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КАНТОВЕДЕНИИ

И. Г. Черненко¹

Рассматривается потенциал теории языковой личности, определяющей подход к лингвистическим исследованиям текстов И. Канта. На основании обзора существующих традиций в зарубежном и отечественном кантоведении обобщается опыт исследования различных уровней языковой личности философа. Анализ языковой личности И. Канта предоставляет дополнительные возможности для интерпретации его философской системы.

Ключевые слова: *И. Кант, кантоведение, языковая личность, уровни языковой личности.*

Идея антропоцентричности языка на сегодняшний день является не только общепризнанной, но и рассматривается многими лингвистами как базовая для исследований. Приоритет отдается изучению связей языка с процессами мышления, сознания и бытия человека. Таким образом, носитель языка в социуме, человек, способный совершать речевые поступки, иными словами «языковая личность» выдвигается на первый план.

Известно, что понятие «языковая личность» появилось еще в 1930-х годах почти одновременно в работах Й. Л. Вайсгербера и В. В. Виноградова. В современном научном контексте термин «языковая личность» актуализирован благодаря работам Ю. Н. Караулова. Вопрос об инновациях в языке (механизмы, причины и т. д.) с точки зрения антропоцентрического подхода соотносится с «языковой личностью». Любая инновация в языке, по мнению академика Б. А. Серебренникова, осуществляется в самом начале отдельным индивидом, и это нов-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 11.05.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11

© Черненко И. Г., 2017

шество либо принимается, либо отвергается другими членами общества [1, с. 148]. Зафиксировать временные рамки языковой инновации — вполне разрешимая задача, но соотносить ее с конкретной языковой личностью гораздо сложнее. В связи с этим научный дискурс предоставляет более широкие возможности в силу ряда причин, к которым, например, относится допустимость установления авторства того или иного термина [2, с. 73]. Становление немецкого научного дискурса во многом отличается от становления национальных научных дискурсов других стран Европы. Завершающая стадия эмансипации научного языка от латыни в немецкой научной среде совпадает с эпохой Просвещения. Немецкий научный дискурс XVIII века сформировали в первую очередь представители философского знания: Христиан Томазиус, Христиан Вольф и Иммануил Кант. Не умаляя заслуг немецких ученых Х. Томазиуса и Х. Вольфа, можно все-таки утверждать, что именно в текстах Канта немецкоязычный философский дискурс сложился как тип с определенной совокупностью черт и качеств. В связи с этим в поле зрения исследователей попадает не только терминотворчество, но и другие проявления лингвистической креативности философа (семантика и синтактика текста, аргументативные стратегии в их языковой реализации, жанровое разнообразие и др.). Таким образом, можно утверждать, что наряду с философским и логическим кантоведением имеет место и лингвистическая парадигма исследований творческого наследия Канта. Философское и логическое кантоведение располагает в настоящее время весомой научной инфраструктурой, репрезентируемой периодическими изданиями («Kant-Studien», «Кантовский сборник», «Логическое кантоведение» и др.). Кантовскими обществами во многих странах мира от Японии до Бразилии, международными конференциями и семинарами. Лингвистическое кантоведение как междисциплинарное исследовательское направление тесно примыкает к философскому и логическому. К лингвистическому кантоведению, во-первых, можно с полным правом причислить многочисленные рефлексии философов-кантоведов относительно языка и стиля Канта. Попытки философов интерпретировать не только концепцию, но и языковую форму не кажутся неожиданными, так как, по утверждению профессора Л. А. Калинникова, причины многочисленных и подчас противоречивых истолкований кантовского содержания кроются не только в глубине и новаторстве идей, но и в особенной структуре многих важнейших кантовских текстов, в своеобразном, глубоком, часто иносказательном стиле философа [3, с. 14]. Что касается второй части лингвистического кантоведения, а именно собственно лингвистических исследований, необходимо отметить, что

таких работ не так уж много, хотя неоднократные попытки языкового анализа, предпринимаемые философами, как раз подчеркивают значимость и актуальность подобных научных изысканий.

Концепция Ю.Н. Караулова, выделяющая три уровня языковой личности (вербально-семантический (нулевой), прагматический и когнитивный), предполагает анализ единства «стиля научного творчества» и «стиля употребления языка». В кантоведении признано, что с точки зрения философского содержания, методов познания и формы изложения творчество Канта делится на докритический и критический периоды. В докритический период научный поиск Канта сконцентрирован в области натурфилософии. Докритический дискурс Канта отличается от критического не только содержанием, но и методом. Во всех работах докритического дискурса роль дедуктивно-формальных методов мышления ограничивается в пользу опыта. Началом второго, так называемого критического, периода в интеллектуальном творчестве философа принято считать 1770 год. В этот период Кант создает систему «критической», или «трансцендентальной», философии, включающей философию познания (кантовскую гносеологию), философию этики, философию эстетики, философию религии и философию права. Каждая из составляющих частей кантовского критицизма — это достаточно автономное философское учение, содержание которого представлено в ряде отдельных произведений философа. Все направления философской рефлексии Канта критического периода объединены идеей о необходимости перепроверки (критики) философских оснований различных предметных областей и невозможности построить систему умозрительной философии до предварительного исследования форм познания и границ познавательных способностей человека.

Произведения докритического периода, которые лингвистически еще не исследованы, кажутся, на наш взгляд, многообещающим экспериментальным корпусом. По замечанию немецкого кантоведа Карла Форлендера, в литературном отношении они весьма значимы и снискали высокую оценку современников, в частности И. В. Гёте [4, с. 98]. Уже в докритический период Кант как творческая личность проявил себя не только в разных областях познания (естественные науки, философия, логика, эстетика), но и как автор разнообразных по объему и жанру произведений. Творческое наследие докритического Канта включает и фундаментальные трактаты, такие как «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), и изящные философские эссе, например «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764). А. В. Гулыга отмечает, что докритические произведения сохра-

няют эмоционально насыщенную манеру, однако красоты стиля не уводят от главного в содержании [5, с. 11]. Исследователь подчеркивает еще одну существенную особенность, которая как глубинный механизм, как внутреннее кредо накладывает отпечаток на все творчество философа: вынести на суд разума все накопившиеся предрассудки [5, с. 8–9]. Авторитеты, по мнению Канта, не должны препятствовать обнаружению истины, руководствоваться необходимо только велениями разума. Никто не гарантирован от ошибок, и право подметить ошибку принадлежит каждому. В этом заключается смысл критицизма как принципа построения дискурса, что, очевидно, было характерно для Канта еще до критицизма как философии.

«Коперниканский переворот», совершенный Кантом в области философского мышления, не мог не повлечь за собой особой формы выражения этой новой «идеологии» [6, с. 3]. Манеру изложения «Критики чистого разума» современники охарактеризовали как «новый стиль». Сразу же после издания этого труда автору предъявляли претензии по поводу «слишком сложного» языка трактата. В построении своих критических сочинений Кант следует схоластическому методу философствования, понимавшему под метафизикой умозрительное постижение сверхчувственных предметов. Языковая репрезентация трансцендентальной философии, вызвавшая поначалу недоумение современников, более всего соответствовала характеру мышления философа в этот период творчества [7, с. 69]. Трактаты малой формы и статьи, написанные в критический период, свидетельствуют о том, что Кант блестяще владел и литературно-популярной формой изложения философии, которая в последней трети XVIII века распространилась из Берлина и Гёттингена по всей Германии.

Систематические исследования языка и стиля Канта осуществлялись на материале его «Критики чистого разума». Первая лингвистическая работа, в которой анализируются языковые особенности этого произведения, принадлежит Эрнсту Фишеру [8]. Отправной точкой научных изысканий избирается психологическая концепция Вильгельма Вундта, одним из теоретических положений которой признается возможность изучения психологии путем анализа творческой деятельности, главным образом, языкового творчества и его продуктов — текстов. Таким образом, работу Э. Фишера, который концентрирует внимание на синтаксических особенностях построения высказывания у Канта, по праву можно отнести к междисциплинарным исследованиям. Именно в особенностях синтаксиса, по мнению Э. Фишера, проявляется индивидуальное речетворчество философа [8, с. 10]. Многократ-

ное включение придаточных предложений друг в друга и преимущественное употребление придаточных предложений 3-й и 4-й степени подчинения в гипотаксисе; множество придаточных предложений одного вида с последовательным подчинением; наличие большого количества перифраз и плеоназмов, обилие повторов одних и тех же синтаксических конструкций — все эти явления рассматриваются Э. Фишером исходя из учения о периоде в его психологической трактовке. В результате такого анализа Э. Фишер приходит к выводу о том, что периоды Канта, будучи грамматически правильными, не выдерживают психологических канонов и представляют собой с этой точки зрения слишком громоздкие построения. Трудность восприятия «Критики чистого разума» действительно соотносили с теми синтаксическими явлениями, которые систематически описал Э. Фишер. Однако количественные данные, приводимые В.Г. Адмони, показывают, что относительно объема группы существительного и удельного веса гипотаксиса язык Канта существенно не отличается от языка Лессинга, Гёте и других писателей XVIII века [9, с. 20]. Примечательно, что Э. Фишер и другие исследователи признают факт удивительной сочетаемости сложного синтаксиса с точностью и продуманностью построения текстов. Именно объемность, сложность и кажущаяся неуклюжесть периодов, содержание которых можно было бы упаковать в скобки, заставляет перечитывать их по несколько раз, разъединяя предложения, заключенные одно в другое, таким образом, «распаковывая» периоды, чтобы понять их до конца [8, с. 64].

Современники Канта неоднократно указывали на стремление философа осветить то или иное положение своей концепции, не упуская ни одной детали, не оставляя читателю возможности для сомнений. По замечанию Кристофа Мартина Виланда, глубина и всеобъемлющая сила рассуждения образуют слишком длинную цепь суждений и умозаключений для неподготовленного, некомпетентного читателя, однако это составляет условие сохранения целостности философской идеи (цит. по: [4, S. 102]). В одном из писем к Иоганну Эриху Бистеру философ так оценивает собственный стиль: «Для полного развития мысли необходимо такое множество средств, что если опустить некоторые из них, исчезнет полнота идеи» (цит. по: [4, S. 103]).

Таким образом, Кант вполне осознавал сложность языкового оформления «Критики», схоластичность, возможно, несовершенство формы, но он и не преследовал цели развлечь читателя и удивить изящностью слога. «Я бы исключил шутку, иронию, любую элегантность языка из этого нового метода, даже если бы владел ими в совершенстве, так как

я не стремлюсь переубедить читателя, я не жду от него никакого другого присоединения, как лишь присоединения в силу понимания...» — замечает Кант [10, с. 204].

Значительный интерес представляет исследование языка «Критики чистого разума», проделанное Йозефом Лаутером с помощью метода математической статистики и относящееся также к междисциплинарным [11]. Сопоставительному анализу стиля Канта со стилем его современников Гёте и Гердера подвергаются как грамматические, так и неграмматические параметры (главы, разделы). Основное внимание уделено частям речи как элементам, образующим определенные синтаксические структуры, и порядку их следования в предложении. Анализ, затрагивающий в основном синтаксические единицы (словосочетания и предложения), позволяет автору сделать вывод о том, что кантовский текст отличается большей семантической спаянностью компонентов и большей номинальностью.

Исследования Э. Фишера и Й. Лаутера, анализирующие нулевой уровень языковой личности Канта, представляют значительную ценность, так как изучение синтактики текста можно рассматривать как одну из возможностей постижения творческого механизма языковой личности.

Иной подход к анализу философского произведения, а через него и к анализу языковой личности автора предлагается в исследовании И. Д. Копцева [6], включающем рассмотрение не только синтактики, но и семантики, прагматики текста с учетом его содержания и широкого философского контекста. По мнению И. Д. Копцева, текст «Критики чистого разума» представляет собой феномен, в котором чрезвычайно ярко выражены единство философского содержания и языковой формы, методичность и системность, строгая логичность изложения и движения мысли, где все — синтаксис, семантика, терминология, коммуникативно-речевая структура — образует диалектическое единство. В своем исследовании И. Д. Копцев настаивает на рассмотрении текста «Критики» как целого, так как именно этот подход позволяет вскрыть такие закономерности его построения, которые невозможно проследить на единицах меньшего объема. Данный трактат рассматривается как глобальное текстовое макросуждение, характеризующееся компетентной субъективностью, априорностью, конститутивностью, единой функциональностью, комплексной модальностью, коммуникативно-речевой структурированностью, эгоцентричностью [6, с. 70]. И. Д. Копцев приходит к выводу, что Кант является родоначальником особой формы философской прозы, за которой стоит осо-

бый стиль мышления, особое мировосприятие, а из этого следует, что правомерно говорить об особом дискурсе Канта. Таким образом, исследование И. Д. Копцева осуществляет попытку перехода к анализу высших уровней языковой личности Канта — когнитивного и мотивационного.

Определенную ценность для изучения высших уровней языковой личности Канта представляют также наблюдения относительно образности в произведениях философа. По их результатам можно судить об индивидуальном творческом потенциале и индивидуальной картине мира Канта. По свидетельству биографов, помимо гениального чувства юмора и феноменальной памяти Кант отличался и удивительно богатым миром внутренней наглядности. Кроме того, он обладал даром возвысить читателя до наглядного познания [4, с. 106]. В текстах философа обнаруживается множество образов: метафор, сравнений, аналогий, эпитетов, обладающих как эвристической, так и поэтической силой. Система образов отражает также системность содержания как строго продуманного целого, репрезентируя эту целостность в концептуально-художественном образе некоего здания, строящегося в пространстве чистого мышления, имеющего свою «архитектонику» (систему), свой материал (чистые формы мышления и созерцания), свой фундамент (возможный опыт). Эта образность построена на метафоре «Философская система — это здание, возведенное в царстве чистой мысли» (цит. по: [6, с. 66]).

Анализ когнитивного и мотивационного уровней языковой личности Канта представляет широкие возможности для междисциплинарных исследований, поскольку базируется на богатом опыте изучения кантовской системы философских понятий. В трудах Канта насчитывается более 400 активных терминов, репрезентирующих понятийную систему кантовской философии. Проблема интерпретации смыслов, стоящих за языковыми выражениями, чрезвычайно актуальна. В связи с этим представляется необходимым анализ кантовских концептов как «информационных структур», которые отражают знание и познавательный опыт философа. Попытка анализа отдельных этико-философских концептов кантовского дискурса предпринималась в наших работах [12; 13].

К особенностям проявления языковой личности, бесспорно, относятся и ее аргументативная компетенция. Некоторые логические аспекты аргументации Канта (проблемы характера и видов противоречий) исследовались в логическом кантоведении, при этом в качестве перспективного направления подчеркивалась необходимость специ-

ального рассмотрения экспликации аргументативных механизмов. Комплексный анализ аргументации в этико-философском дискурсе Канта, осуществленный в нашем исследовании, позволил проанализировать как специфику порождения этого дискурса, так и особенности языковой личности, порождающей дискурс [12].

Таким образом, философское *я*, за которым стоит человек в потоке времени, в пространстве слова, культуры и просвещения, репрезентировано равноуровневыми языковыми средствами. Анализ языковой личности философа имеет особую значимость, так как предоставляет дополнительные возможности для интерпретации его философской системы.

Список литературы

1. *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
2. *Новодранова В. Ф.* Категория языковой личности в языке для специальных целей // Пелевинские чтения – 2009 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 71–77.
3. *Калинников Л. А.* Постулаты практического разума в свете кантовской философии истории // Кантовский сборник : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Калинников. Калининград, 1983. С. 12–26.
4. *Vorländer K.* Immanuel Kant. Hamburg, 1977.
5. *Гулыга А. В.* Немецкая классическая философия. М., 2001.
6. *Копцев И. Д.* Кант и проблемы лингвистики философского текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
7. *Паульсен Ф.* Иммануил Кант. Его жизнь и учение. СПб., 1905.
8. *Fischer E.* Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und psychologischer Grundlage. Würzburg, 1950.
9. *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.
10. *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
11. *Lauter J.* Untersuchungen zur Sprache von Kants «Kritik der reinen Vernunft». Köln, 1966.
12. *Черненко И. Г.* Способы выражения аргументации в этико-философском дискурсе И. Канта (на материале произведений «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten») : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005.
13. *Черненко И. Г.* «Свобода»: концепт и образ в критическом дискурсе И. Канта // Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2008 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 66–74.

Об авторе

Черненко Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: chernenokonline@gmail.com

Для цитирования:

Черненко И.Г. Лингвистическая парадигма в кантоведении // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, №2. С. 114 – 123. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11.

THE LINGUISTIC PARADIGM IN KANT STUDIES

I. G. Chernenok¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on May 11, 2017

This article discusses the potential of the linguistic persona theory in the linguistic studies of Kant's texts. Linguistic Kant studies is a scientific discipline focusing on the language of Kant's works. Such a study can be either independent or integrated into a logical-philosophical analysis. The author emphasizes Kant's contribution to the German philosophical and scientific discourse of the Enlightenment and summarizes current findings on the philosopher's style and language. It is shown that the analysis of Kant's linguistic creativity (new terms, syntactic models, utterance structures, communicative speech structure, modality, text generation mechanisms, metaphors, and pragmatics) can be paired with the study of the verbal-semantic, cognitive, and motivational levels of the philosopher's linguistic persona. The author stresses the importance of the linguistic investigations of philosophical texts for an in-depth interpretation of their philosophical content.

Key words: Immanuel Kant, Kant studies, linguistic persona, levels of linguistic persona.

References

1. Serebrennikov, B. A., 1988. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of the human factor in the language. Language and Thinking]. Moscow.
2. Novodranova, V. F., 2009. Category of linguistic personality in language for special purposes. In: I. Yu. Ieronova et al., eds. *Pelevinskie chteniya – 2009* [Pelevin Readings – 2009]. Kaliningrad. pp. 71 – 77.
3. Kalinnikov, L. A., 1983. Postulates of practical reason in the light of the Kantian philosophy of history. In: L. A. Kalinnikov, ed. *Kantovskii sbornik* [Kant's collection]. Kaliningrad. pp. 12 – 26.

4. Vorländer, K., 1977. *Immanuel Kant*. Hamburg.
5. Gulyga, A. V., 2001. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Moscow.
6. Koptsev, I. D., 1993. *Kant i problemy lingvistiki filosofskogo teksta* [Kant and problems of linguistics of the philosophical text]. Cand. philol. sci. diss. thesis. St. Petersburg.
7. Paul'sen, F., 1905. *Immanuel Kant. Ego zhizn' i uchenie* [Immanuel Kant. His life and teachings]. St. Petersburg.
8. Fischer, E., 1950. *Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und psychologischer Grundlage*. Würzburg.
9. Admoni, V. G., 1973. *Puti razvitiya grammaticheskogo stroya v nemetskom yazyke* [Ways of development of the grammatical structure of the German language]. Moscow.
10. Kant, I., 1980. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow.
11. Lauter, J., 1966. *Untersuchungen zur Sprache von Kants „Kritik der reinen Vernunft“*. Köln.
12. Chernenok, I. G., 2005. *Sposoby vyrazheniya argumentatsii v etiko-filosofskom diskurse I. Kanta (na materiale proizvedenii «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten»)* [Ways of expressing arguments in the ethical-philosophical discourse of I. Kant (on the material of works «Grundlegung zur Metaphysik der Sitten», «Kritik der praktischen Vernunft», «Metaphysik der Sitten»)]. Cand. philol. sci. diss. Kaliningrad.
13. Chernenok, I. G., 2008. "Freedom": a concept and an image in the critical discourse of I. Kant. In: E. Yu. Vaganova et al., eds. *Aktual'nye problemy lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov – 2008* [Actual problems of linguistics, pedagogy and methods of teaching foreign languages – 2008]. Kaliningrad, pp. 66–74.

The author

Dr Irina G. Chernenok, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: chernenokonline@gmail.com

To cite this article:

Chernenok I. G. 2017, The linguistic paradigm in Kant studies, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 114–123. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-11.